

TERRY PRATCHETT
IAN STEWART
JACK COHEN

TERRY PRATCHETT
IAN STEWART & JACK COHEN

The Science of Discworld-III.
Darwin's Watch

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ
ЙЕН СТЮАРТ & ДЖЕК КОЭН

*Наука Плоского мира-III.
Часы Дарвина*

Москва

2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П68

Terry Pratchett, Ian Stewart, Jack Cohen
THE SCIENCE OF DISCWORLD,
BOOK 3: DARWIN'S WATCH

Copyright© Terry Pratchett; Jack Cohen; Joat Enterprises, 2005.
This edition published by arrangement
with Colin Smythe Limited and Synopsis Literary Agency

Cover artwork copyright © 1998 by Paul Kidby,
www.paulkidby.net

Оформление серии *Ильи Саукова*
Перевод с английского *Артема Агеева*

Пратчетт, Терри.

П68 Наука Плоского мира. Книга 3. Часы Дарвина /
Терри Пратчетт, Йен Стюарт, Джек Коэн ; [пер.
с англ. А. Агеева]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 416 с. — (Терри Пратчетт).

ISBN 978-5-699-89838-1

Важно не только читать хорошие книги, но и писать тако-
вые... Из-за нарушения этого правила волшебники Незримого
университета вынуждены вновь спасать несчастную вселенную
Круглого мира.

XIX век, Англия. Некий человек по имени Чарльз Дарвин
пишет книгу «Теология видов», которая не только становится
бестселлером, но и тормозит научный прогресс более чем на
век, что неизбежно вызовет новый ледниковый период в бли-
жайшие столетия. Ну и как тут не вмешаться аркканцлеру Чу-
дакулли и его коллегам?

Третья книга научно-популярного цикла, созданного Терри
Пратчеттом в соавторстве с Йеном Стюартом и Джеком Коэн-
ном, рассказывает читателю о теории эволюции и ее влиянии
на развитие всего человечества.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© А. Агеев, перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89838-1

О КРУГЛОМ МИРЕ

ПЛОСКИЙ МИР СУЩЕСТВУЕТ. Он устроен именно так, как и должны быть устроены миры. Как известно, он имеет форму диска и плавает по космическому пространству на спинах четырех слонов, которые стоят на панцире гигантской черепахи. Но рассмотрим же альтернативные варианты.

Например, мир в форме шара, который занимает лишь тонкую корку над преисподней, состоящей из плавленного камня и железа. Возникший в результате случайного столкновения звезд и ставший родным домом для жизни, которую тем не менее отнюдь не по-домашнему стирают с его поверхности льды, газы, потопаы или летящие со скоростью 20 000 миль в час камни.

Этот неидеальный мир вместе с окружающим его космосом на самом деле был создан совершенно случайно волшебниками Незримого Университета¹. Декан случайно задел сырой небосвод, в результате чего, по-видимому, и появилось убеждение, что мир сотворил некто с бородой, — если, конечно, воспоминания могут передаваться из поколения в поколение на уровне субсубсубатомных частиц.

Бесконечная изнутри, но всего в фут в диаметре снаружи, вселенная Круглого мира сейчас хранится

¹ Это величайшая школа магии в Плоском мире. Но вам же это и так прекрасно известно, правда?

в стеклянном шаре в Незримом Университете и является предметом высокого интереса и озабоченности.

Причем больше озабоченности, чем интереса. Отчасти по той причине, что в ней нет рассказа.

Рассказий — это не совсем обычный элемент. Это свойство всех остальных элементов, сверхъестественным образом превращающее их в молекулы. Железо состоит не только из железа, но и из истории железа, благодаря которой оно неизменно продолжает быть железом и делать свою железную работу, а не превращаться, например, в сыр. Без рассказа у вселенной нет ни истории, ни цели, ни *назначения*.

Тем не менее согласно древнему правилу «Что Наверху, то и Внизу» несчастная вселенная Круглого мира на определенном этапе пытается создать собственный рассказий. Железо тянется к железу. Все вращается. В отсутствие богов, способных сотворить жизнь, она вопреки всему умудрилась создать саму себя. А люди, эволюционировавшие на планете, в глубине души верят в богов, магию, вселенский замысел и то, что шанс один к миллиону выпадает в девяти случаях из десяти. Они ищут истории в мире, который, к сожалению, не умеет их рассказать.

Волшебники, чувствуя себя в этом виноватыми, несколько раз вмешивались в историю Круглого мира, когда им казалось, что он движется не в том направлении. Они побудили рыб (или рыбоподобные создания) выйти из воды, навели представителей протоцивилизаций потомков динозавров и крабов, отчаялись, увидев, как часто лед и кометы уничтожали высшие формы жизни, и, наконец, обнаружили одержимых сексом обезьян, которые поддавались обучению — особенно если оно имело отношение к сексу (а это можно было устроить, если проявить незаурядную изобретательность).

И волшебники снова вмешались, разъясвив им, что нельзя спариваться с огнем, и в итоге привели к тому, чтобы они смогли покинуть планету перед следующей великой катастрофой.

При этом они руководствовались помощью Гекса, волшебной мыслительной машины Незримого Университета. Тот и так обладал безмерной мощностью, а в Круглом мире, который с его точки зрения был не более чем подпрограммой Плоского мира, стал практически богоподобным, хотя и более снисходительным.

Теперь волшебники думают, что все уладили. Обезьяны узнали об опасностях, которые постоянно угрожают их миру, и благодаря такой техномантии, как Наука, имеют все шансы избежать ледяной гибели.

И все же...

Одна из особенностей блестящих планов состоит в том, что они нечасто терпят провалы. *Иногда*, конечно, терпят, но нечасто — ведь они, как указано выше, блестящие. А планы волшебников, которые заваливаются без приглашения, поднимают шум, пытаются разрешить все до обеда и надеются на лучшее... ну, их планы почти всегда идут наперекосяк.

Если присмотреться повнимательнее, можно заметить, что и в Круглом мире все же *есть* рассказий.

В Плоском мире рассказий говорит рыбе, что она была, есть и будет рыбой. А в Круглом — что-то внутри рыбы говорит ей, что она была и есть рыба... а потом может стать кем-то еще...

...ВОЗМОЖНО.

Глава 1

ПРОЧИЕ ВОПРОСЫ

ШЕЛ ДОЖДЬ. РАЗУМЕЕТСЯ, ЭТО БЫЛО ПРИЯТНО ДЛЯ ЧЕРВЕЙ.

Чарльз Дарвин смотрел на сад сквозь струи, которые скатывались по оконному стеклу.

Тысячи червей в саду под теплым дождем превращали зимние детриты в суглинок, тем самым образуя почву. Как же это... удобно.

Пахари Божьи, подумал он и содрогнулся. Но сейчас эти Господни рыхлители ему досаждали.

Удивительно, как шум дождя похож на человеческий шепот...

В какой-то момент он заметил жука, напоминавшего своим сине-зеленым окрасом тропический драгоценный камешек. Он карабкался вверх по внутренней стороне окна.

Чуть выше был еще один — тот тщетно бился об оконное стекло.

И он приземлился Дарвину на голову.

Воздух наполнило жужжание и хлопанье крыльев. Завороженный, Дарвин обернулся к сияющему облаку в углу комнаты. Оно обретало форму...

Любой университет желал бы иметь Очень Большую Штуковину. Она занимает младших сотрудников, на радость старшим (особенно если ОБШ установлена на определенном расстоянии от учебного

корпуса), а также проедает деньги, которые в противном случае просто валялись бы без дела или были бы потрачены кафедрой социологии, а может, и то, и другое. Кроме того, она способна расширять границы, не важно, какие именно — любой исследователь скажет, что здесь главное не границы, а сам факт их расширения.

А еще хорошо, если ваша ОБШ больше всех остальных штуквин, и особенно — в случае Незримого Университета, величайшего в мире университета магии, — больше, чем та, с которой возятся эти негодяи из Коксфорда.

— Вообще-то, — сказал Думминг Тупс, глава кафедры нецелесообразной прикладной магии, — их штуквина — это всего лишь ДБШ, то есть Довольно Большая Штуковина. И вдобавок, они с ней столько намучились, что это вообще, наверное, просто БШ!

Старшие волшебники с довольным видом закивали.

— Так ты уверен, что наша больше, да? — спросил главный философ.

— О да, — ответил Тупс. — Насколько я могу судить из общения с сотрудниками Коксфорда, наша может в два раза расширить границы втрое быстрее, чем их.

— Надеюсь, ты им этого не сообщил? — сказал профессор современного руносложения. — Мы же не хотим, чтобы они начали строить... э-э... ЕБШ!

— Что, сэръ? — вежливо переспросил Думминг, хотя его тон говорил: «Я все знаю об этих особенных штуквинах и не хотел бы, чтобы вы делали вид, будто тоже в них разбираетесь».

— Ну... Еще Большую Штуковину? — сказал профессор, чувствуя, что ступает на неизведанную территорию.

— Нет, сэр, — мягко ответил Думминг. — Следующий уровень — это Гигантская Большая Штуковина, сэр. Считается, что если мы сумели бы построить ГБШ, мы познали бы разум Создателя.

Волшебники замолчали. Какое-то время муха жужжала у высокого многосводчатого окна с витражным изображением аркканцлера Сломана, придумывающего специальную теорию слуда, а затем, оставив мушиное пятнышко на его носу, аккуратно вылетела в крошечное отверстие в стекле, которое еще два века назад пробил камешек, вылетевший из-под колес проезжавшей телеги. Сначала его не заделывали потому, что никому не было до этого дела, а теперь — потому, что так того требует традиция.

Муха родилась в Незримом Университете и под влиянием высокомагического поля стала гораздо умнее среднестатистической мухи. Но на волшебников, что удивительно, это поле никогда не производило подобного эффекта — вероятно, ввиду того, что большинство из них и так было умнее мух.

— Но мы же не собираемся ее строить, да? — спросил Чудакулли.

— Это могли бы счесть невежливым, — заметил заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

— А насколько большой была бы Гигантская Большая Штуковина? — спросил главный философ.

— Точно такого же размера, как вселенная, сэр, — ответил Думминг. — По сути, в ней была бы смоделирована каждая ее частица.

— Значит, довольно большая...

— Да, сэр.

— И я представляю, как трудно было бы найти место, чтобы ее поставить.

— Несомненно, сэр, — согласился Думминг, давно оставивший попытки объяснить членам старшего преподавательского состава принципы Большой Магии.

— Ну и прекрасно, — сказал аркканцлер Чудакулли. — Спасибо за доклад, мистер Тупс. — Он фыркнул. — Он восхитителен. Итак, следующий пункт: прочие вопросы. — Он обвел присутствовавших пристальным взглядом. — И поскольку вопросов больше *нет...*

— Э-э...

Произнесенное в данный момент «э-э» не сулило ничего хорошего. Чудакулли не любил, когда на совещаниях задавали вопросы. И вообще не любил пункт «прочие вопросы».

— Чего тебе, Ринсвинд? — Он бросил строгий взгляд через весь стол.

— Эмм... — произнес Ринсвинд. — Кажется, все-таки профессор Ринсвинд, не так ли?

— Конечно, профессор, — сказал Чудакулли. — Говорите, а то мы уже пропустили раннее чаепитие.

— С миром что-то не так, аркканцлер.

Волшебники все как один повернулись к аркканцлеру Сломану, придумывающему специальную теорию слуда, пытаясь разглядеть что-либо сквозь него.

— Не валяй дурака, приятель, — сказал Чудакулли. — Солнце же светит! Сегодня прекрасный день!

— Не с этим миром, сэр, — уточнил Ринсвинд. — С другим.

— Каким еще другим? — спросил Чудакулли, и тут выражение его лица переменилось.

— Только не... — начал он.

— Да, сэр, — сказал Ринсвинд. — С тем. С ним что-то не так. Опять.

Каждой организации необходим человек для выполнения работы, которую никто не хочет делать или которую, по негласному мнению, не нужно делать. Ринсвинд в настоящее время занимал девятнадцать

таких должностей, включая ответственного за нормы гигиены и технику безопасности¹.

А будучи профессором жестокой и необычной географии, он отвечал за Глобус, который лежал на его столе в темном коридоре подземелья, в последнее время ставшем рабочим местом Ринсвинда. Работа его преимущественно состояла в ожидании, пока кто-то принесет ему какой-нибудь образец жестокой и необычной географии.

— Вопрос первый, — сказал Чудакулли, когда члены старшего преподавательского состава быстро шагали по влажным плитам. — Почему ты работаешь здесь? Что случилось с твоим кабинетом?

— Там слишком жарко, — ответил Ринсвинд.

— Но ты же все время жаловался, что тебе холодно!

— Да, сэр. Зимой так и есть. На стенах образуется лед, сэр.

— Ты же получаешь достаточно угля, разве нет?

— Более чем, сэр. По ведерку за каждую должность в день — согласно традиции. И в этом, собственно, проблема. Я не могу вразумить разносчиков. Они могут приносить либо *все* ведерца, либо ни одного. Поэтому чтобы оставаться в тепле зимой, мне приходится топить все лето, и от этого там так жарко, что невозможно работать... Не открывайте, сэр!

Чудакулли, едва приоткрыв дверь, сразу же захлопнул ее обратно и вытер лицо платком.

— Очень уютно, — сказал он, жмурясь от пота, заливавшего глаза. Затем он повернулся к маленькому шару, лежавшему на столе перед ним.

¹ Племя н'туитифов Очудноземья придумало должность ответственного за нормы гигиены и технику безопасности даже раньше, чем знахарей, и еще раньше, чем овладело огнем и изобрело копьё. На охоте они просто дожидаются, пока животные сами упадут замертво, а потом едят их сырыми.

Диаметром он был около фута — по крайней мере, так казалось снаружи. Изнутри он был бесконечен; большинству волшебников осознание подобных фактов давалось без труда. Он содержал всё — при заданном значении «содержания всего», но по умолчанию фокусировался на крошечной частичке всего содержащегося, небольшой планете, которую в настоящий момент покрывал лед.

Думминг Тупс повернул омнископ, прикрепленный к основанию стеклянного купола, и принялся наблюдать за маленьким замерзшим миром.

— На экваторе одни руины, — доложил он. — Они так и не построили штуку, которая подняла их в небо и позволила покинуть планету¹. Должно быть, мы что-то упустили.

— Этого не может быть, мы же все уладили, — возразил Чудакулли. — Помните? Все люди убралась оттуда до того, как планета оледенела.

— Да, аркканцлер, — признал Тупс. — И в то же время нет.

— Если я попрошу тебя это объяснить, ты сможешь сделать это словами, которые я смогу понять? — сказал Чудакулли.

Некоторое время Думминг смотрел на стену, и его губы шевелились, будто он подбирал слова.

— Да, — наконец заключил он. — Мы изменили историю мира, направив его так, чтобы в будущем люди смогли покинуть планету до ее замерзания. Но, судя по всему, затем произошло нечто, изменившее его обратно.

— Опять? В последний раз это были эльфы!²

— Я не думаю, что *они* попытались сделать это снова, сэр.

¹ См. книгу «Наука Плоского мира» (Эксмо, 2015).

² См. книгу «Наука Плоского мира 2: Глобус» (Эксмо, 2015).

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

— Но мы же *знаем*, что люди спаслись до того, как все замерзло, — сказал профессор современного руносложения. Оглядев лица присутствовавших, он неуверенно добавил: — Или нет?

— Раньше мы так считали, — мрачно проговорил декан.

— В некотором роде да, сэр, — сказал Думминг. — Но вселенная Круглого мира несколько... неустойчива и изменчива. Даже несмотря на то, что *мы* можем видеть, что произойдет в будущем, прошлое может измениться так, что, с точки зрения обитателей Круглого мира, этого никогда не произойдет. Это как... взять последнюю страницу книги и вставить новую. Старую по-прежнему можно прочитать, но, с точки зрения персонажей, концовка изменилась... а может быть, и нет.

Чудакулли похлопал его по спине.

— Прекрасно, мистер Тупс! Вы даже ни разу не упомянули кванты, — похвалил он.

— Тем не менее у меня есть подозрение, что они тоже могут иметь к этому отношение, — вздохнул Думминг.

Глава 2

ЧАСЫ ПЕЙЛИ

БИБЛЕЙСКИЙ ПОЯС США¹, НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД. Идет разговорная радиопередача. Ведущий принимает звонки слушателей. Речь идет о ненавистной для любого набожного южанина-фундаменталиста эволюции. Беседа идет в следующем ключе:

¹ Библейским поясом США называют протестантские юго-восточные штаты. (*Прим. переводчика.*)

Ведущий: Итак, Джерри, что ты думаешь об эволюции? Стоит ли нам принимать теории Дарвина?

Джерри: Этому Дарвину никогда не вручали Нобелевскую премию, да? Раз уж он был таким великим, то почему он ее не получил?

Ведущий: Пожалуй, это ты верно подметил, Джерри.

Такой разговор действительно имел место, и в словах ведущего не было иронии. Но довод Джерри не так неоспорим, как ему кажется. Чарльз Роберт Дарвин умер в 1882 году. Первая Нобелевская премия была вручена в 1901-м.

Конечно, люди часто без злого умысла упускают незначительные исторические факты, и едва ли стоит их в этом упрекать. Зато их стоит упрекнуть в другом: ведущий и его гость попросту не включили мозги. Почему они вообще подняли эту тему? Потому что всякому набожному южанину-фундаменталисту известно: каждый ученый относит Дарвина к числу самых выдающихся людей всех времен. Не является секретом и то, что в присуждении Нобелевской премии (в науке) значительную роль играют отзывы самих ученых. А они, как мы уже знаем, всецело придерживались мнения, что место Дарвина — где-то в районе вершины древа науки. Поэтому он не мог не получить премию из-за того, что комитет не счел его заслуги достойными (как, вероятно, подумали слушатели). Причина была иная: Нобелевская премия не досталась Дарвину главным образом потому, что его не было в живых, когда ее начали вручать.

Из этой истории видно, что вопрос эволюции по-прежнему не сходит с уст в Библейском поясе. Там ее также называют «дьяволюцией» и, как правило, считают происками нечистого. Более искусные